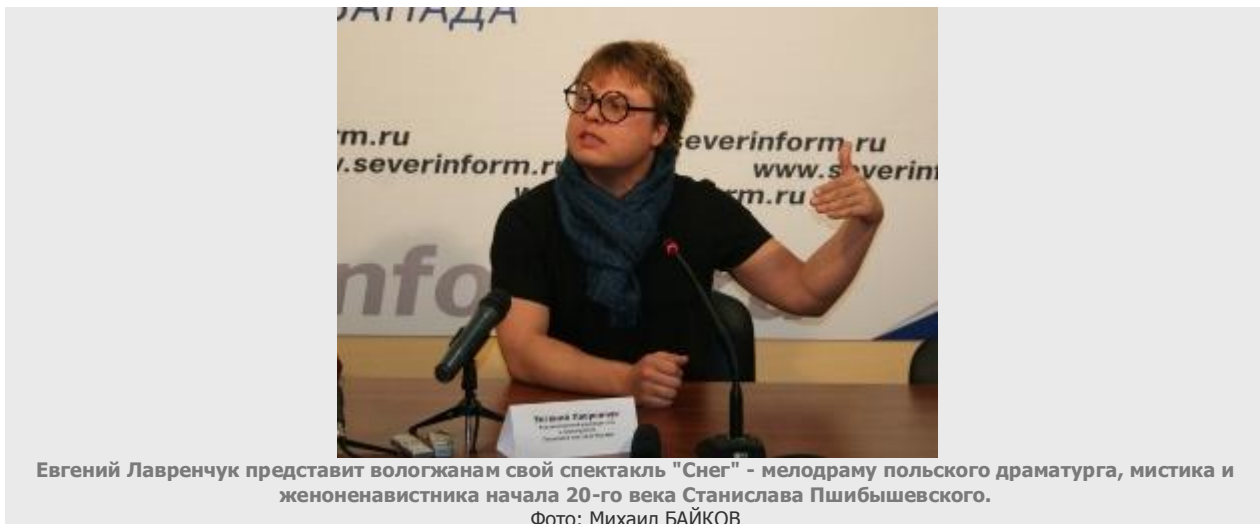

ВОЛОГДА. Культура

Скандальный театральный режиссер Евгений Лавренчук:

«Сегодня все художники стали большими мещанами»

Евгений Лавренчук представит вологжанам свой спектакль "Снег" - мелодраму польского драматурга, мистика и женоненавистника начала 20-го века Станислава Пшибышевского.

Фото: Михаил БАЙКОВ

Пресс-конференция худрука Польского театра в Москве прошла сегодня в Вологде в пресс-центре ИХ «Севергазмедиа»

Елена КОНДРАТЬЕВА, Ольга КАШИНЦЕВА — 08.09.2010

Вологодское региональное отделение Ассамблеи народов России пригласило в гости Польский театр в Москве. Сегодня художественный руководитель театра Евгений Лавренчук и председатель регионального отделения Ассамблеи народов России Александр Болотов ответили на вопросы вологодских журналистов.

- Почему вы взялись за этот спектакль?

Александр Болотов
Фото: Михаил БАЙКОВ

Александр Болотов (А.Б.): Все вы помните печальные события, которые облетели весь мир, когда самолет с цветом польской политики и культуры разбился у Смоленска. Тогда самое высшее наше руководство протянуло руку дружбы, и российско-польские народы опять обнялись как братья. Наш Губернатор Вячеслав Позгалев съездил в Польшу, где его очень хорошо принимали.

Мы созвонились с польским посольством, с атташе по культуре, попросили, чтобы нам порекомендовали какой-нибудь современный польский театр. Атташе по культуре предложил нам театр Евгения Лавренчука в Москве. Мы встретились, пообщались. Очень интересный человек, очень необычный, ученик Романа Виктюка. Может быть, все театралы немного эксцентричны.

Что подкупило в спектакле «Снег», который Евгений предложил для вологодской публики. Это спектакль польского драматурга. Пьеса была написана в начале прошлого века. Там освещаются те самые события, когда творился страшный кошмар, революции, войны. Когда человеческие ценности смещались на разные полюса, когда жизнь человеческая ничего не стоила. Спектакль мы посмотрели на DVD. Спектакль о любви, о ненависти, спектакль о войне, о смерти, спектакль о жажде к жизни. Спектакль необычный, интересный, в современной интерпретации. И мы взялись за эту работу.

Мы с нетерпением ждем 18 сентября, когда в ДК ПЗ в 19 часов состоится праздник польской культуры.

Почему ассамблея народов России? Почему польский? Дело в том, что в Вологде проживает достаточно многочисленная польская диаспора.

- Евгений, вы сами из Львова учились в Москве. Как оказались в польском театре?

Евгений Лавренчук
Фото: Михаил БАЙКОВ

Евгений Лавренчук (Е.Л.): Я не ищу легких путей и проторенных дорожек. В Польше все было бы неинтересно. После Львова мне предложили учиться в Польше, даже на очень хороших условиях бытовых и стипендиальных. Но польский театр и польская школа – это вариации на тему русской школы. Вообще вне русской театральной школы другой школы нет. Другое дело, что русская школа давным-давно уже стала фикцией. Но, на самом деле все истоки идут отсюда, из России. Единственным правильным решением для меня, никому ненужного, казалось тогда поехать в Москву, в ГИТИС. И там что-то начать делать.

Почему польский театр? Организовывать театр, который сразу всем понравится, неинтересно, необходимо создавать искусственные препятствия. Понимаете, раньше во времена Серебряного века поэтам не нужно было искать искусственных препятствий. Марина Ивановна Цветаева мыла посуду, голодала, бедная, она не знала, как прокормит семью. Это было истинное страдание, это была та экзистенциальная боль, которая рождала поэтическое

вдохновение.

Сегодня все художники стали большими мещанами. Потому что все удобно и комфортно: гонорары предполагаются большие, условия отличные. Художнику сегодня дается большой кредит доверия – делай, что хочешь, это все равно всем понравится. Все немножко объелись. А истинный интеллигент, к которому я себя не причисляю, обязан быть в контркультуре. Обязан идти вопреки этому потоку, мещанско-бытовому. Поэтому и возник польский театр. У нас с Польшей обширные связи, генетические, но это не играет никакой роли в данном случае.

Когда ты творишь, происходят неконтролируемые процессы – это как слюна или потоотделение.

- Вас называют скандальным режиссером. Вы правда скандальный?

Е.Л.: Я себя приписываю к радикальным традиционалистам. Назвали скандальным, значит это так. А почему скандальный? А потому что так назвали. В самом названии уже есть скандал. А там уже никто не будет копаться: правда это, неправда.

- Евгений, расскажите о вашем театре.

Е.Л.: Там много актеров. Это сложный организм. При театре существует школа актерского мастерства и режиссуры. Это театр, но принцип существования этого организма не театральный. Люди там не подбираются, а происходят, начинают быть. Это не только

"Спектакль "Снег" будет про любовь" - добавляет Евгений Лавренчук
Фото: С сайта Польского театра в Москве

актеры, это администрация, это одна большая семья. Это человеческие отношения прежде всего. А потом уже чудо-творчество. Но для меня самое страшное, это когда театр превращается в пространство академической гребли, где идет какой-то механический процесс, и человека нет. Мы крайне редко играем спектакли – это сознательный ход. Я очень рад, что мы не живем с продажи билетов. То есть мы не обязаны продаваться, мы не обязаны нравиться зрителю регулярно. Поэтому это театр уникальный. Какой я скандалист, я не понимаю, я исполняю заветы

Станиславского.

Театр, дом, этика, отношения, а творчество – это естественный процесс, который не может не возникнуть.

В Москве у нас есть достаточно большое офисное помещение, репетиционные залы, где происходят показы на 100-200 человек. Правда то здание уже много лет находится в аварийном состоянии. В основном мы играем на съемных площадках. Я стараюсь делать так, чтобы это были классические пространства - театр Маяковского, дом музыки, театр Калягина, театральный центр на Страстном – площадки намоленные, с традициями. Где сама пыль, которая тлеет на осветительных приборах, помнит Фаину Георгиевну Раневскую, господина Плята.

Сейчас мы только что приехали из Польши, были на фестивале «Фама». Странный фестиваль, который там проходит лет сто, это какой-то слет студенчества, там все живут в палатках. Нас там сразу приняли за каких-то почетных гостей, поселили в шикарные апартаменты. Дали какое-то почетное лауреатство. Клянусь, специально мы ничего не делаем – палец о палец мы не ударяем.

Драматург Пшибышевский, по произведению которого поставлен спектакль «Снег» - женоненавистник. Женщинам вообще стоит идти на ваш спектакль?

ЕЛ: А женщина разве какой-то особый пол? Класс или срез? Ни гендерные, ни даже возрастные ограничения бы не рекомендовал. А женоненавистник – это была его философия. Хорошо, напишем «бабоненавистник». Ну какая женщина считает себя бабой – да никакая! Его жена была выдающейся личностью, она была супругой сразу троих гениев! Это был период «млада польска» - эквивалент Серебряному веку в России, это было время наркоманов, упадка, но именно в этом всем творилась культура. Вопреки всему, понимаете? И Пшибышевский был таким, как в России Вячеслав Иванов, держал всю тусовку, весь бомонд у себя. Он не был выдающимся драматургом, он был выдающейся личностью.

«Снег» был моим первым спектаклем. Поэтому я рад, что и Вологде этот спектакль станет первым. Причем сначала пьеса мне жутко не понравилась. Я подумал: «Вот это точно я никогда не буду ставить». Но она оказалась первым поставленным спектаклем, потому что все, что чуждо, то и интересно. Я трактую пьесу как некое пустое пространство, взаимоотношения: он полюбил, она недопоняла, пригласила подружку, приревновала, покончили с собой – это все такое мелодраматическое. Я подумал, ну при чем тут я? Но, когда выяснилось, что надо делать свой театр, делать себя, я решил, что это идеальное пустое пространство, на котором можно выставить свою архитектуру. Я начал выстраивать спектакль, куда поведет камень. Вопреки всему этот спектакль стал нашей визитной карточкой.

- Приедете еще в Вологду?

ЕЛ: Так сложилось, что у нас просто так все не начинается и не заканчивается. Вот я приехал в к вам – уже стоят микрофоны, пришли люди – это аванс для нас. Но лет 7 назад, когда мне было 18, в Москве со мной вообще никто не хотел разговаривать. Мне говорили: «Ну что вы можете?!» Так, дайте мне пространство, и я его заполню. Стало легче. И со всеми городами, где мы побывали, у нас продолжают «романы». До этого мы в России очень редко играли, но с успехом. И, знаете, у меня большие надежды на ваш город. Потому что в Европе мы уже все поняли, там не очень интересная публика, скажем так. Потому что там всем все нравится. Априори. Она говорят: «Здорово! Вау!» Слово «вау» терпеть не могу. Даже если бы были голые стены, они все равно бы восторгались. Это люди, искушенные культурой, но не предполагается фырканий «Как он смел!» и так далее. Расчленим тушу коровы – вау! Человека расчленим – еще лучше. Совокупление, экскремент – еще лучше. Просто кусок пенопласта – замечательно. Всем все нравится. Так вот когда я там, я очень тоскую по русскому зрителю, который все ставит под сомнение, который думает. Мне нравится самокопание в русском человеке. Это и есть жизнь, чего в Европе давно нет.

В этом году мы будем тесно сотрудничать с русскими городами, потому что выиграли гранты на поездки по России. Но с другой стороны, когда долгое время проводишь в России и все как на ладони, на сковородке, тебя осуждают, думаешь, как хорошо там, где никому не до кого нет дела.

Я не считаю, что художник самоутверждается. Творчество – это способ бытия, это невозможность поступить иначе. У художника нет личной жизни. Художником нельзя быть с 9 до 5 с перерывом на обед. Это сродни монашеству. Как мне кажется, театр – это храм, это дом, в который можно приходить, уходить из него. Но они там всегда живут, прописаны вот там. Да, мы иногда физически отвлекаемся на поесть и чуть-чуть поспать. Мои актеры являются педагогами в школе при театре. Поэтому мы вообще не выходим из театра.

- Какую мысль хотите донести до зрителя?

ЕЛ: А никакую! Вы знаете, нет никакой мысли. Мне чужд путь «мэсседжа». А как вы себя позиционируете? - А никак. Художник не несет никакой мысли. Художник мыслит от образа. Сегодня чувственно-образное мышление вообще на нулях у людей, которые творят и которые потребляют продукты культуры. То есть правое полушарие мозга напрочь отсутствует. Все подходит рационально. Как мне кажется, идеальное мышление – это оттуда, от образа.

Вот взять вентилятор работающий и взять кусочки ткани эксельсиора, нарезать их и привязать к вентилятору. И он будет их развеивать как в фильме Тарковского. И если поставить контражурный рассеивающийся свет, то по всему пространству будет красивое мерцание теней. Если актер попадет в эту зону, на нем останется отпечаток этого мерцания. И при этом всем играет Шопен и под каким-то предлогом люди на сцене ездят на роликах. Вот такой образ.

Если я скажу, что спектакль будет про любовь, а она его разлюбила, и в этой ненависти и есть жизнь – дайджест написан. Но спектакль не об этом. Исходная точка – это чувственно-образное начало. Все выставки, все культурные мероприятия несут какой-то «мэсседж»: против СПИДа, против алкоголизма, против еще чего-то. Я очень рад, что мой театр – это такой островок, где мысль есть, но она есть объективно, «потом». Я за нее ответственности не несу. Мысль рождается у вас, а мое дело сделано. Говорить про театр и про музыку – это все равно, что танцевать про архитектуру.

- За счет чего существует ваш театр?

ЕЛ: Если я вам скажу правду, то вы все равно не поверите, потому что я не знаю. На ваш вопрос может ответить наш бухгалтер. У нее есть дебет-кредит, лево-право. Какие-то есть гранты, какие-то премии за победы в конкурсах, другие поощрения. Вообще театр – это дорогая инициатива. Но мы не жалуемся. Мы можем всех наших учеников – бац и увезти в Европу на фестиваль или мастер-класс.

- Какой репертуар у вашего театра?

ЕЛ: Репертуар у нас небогатый. У нас есть несколько спектаклей, которые идут постоянно. Это «Ивонна, принцесса Бургунская», «Танго», «Ромео и Джульетта» скоро будем репетировать «Марию Стюарт», у нас есть спектакль без слов «Закат Европы». Меня современная драматургия, да и вообще все современное, не интересуют.

Хотя про меня говорят, что я современный и новатор. Я не циник и не сноб и матерщинник даже. Но когда в пьесе кроме слова ... (из трех букв) ... ничего нет, мне становится неинтересно просто. Это имеет право быть, но мне это неинтересно ставить. И я всегда говорю, что ваша «актуальная» драматургия будет проигрывать Интернету и СМИ – театр погибает. Он загнулся по своей ущербной тенденции. Вообще мне нравится тенденция 20 века в том, что вне философии никакого творчества нет. Я считаю, что творчество без философии – это тупое и бесполезное ремесло. Если нет философической подложки, то это выстрелы вхолостую. Мне приятна такая тенденция, что в 20 веке все философские направления, течения и мысли были реализованы не в философских вонючих трудах и трактатах, а в литературе, в романах. Скоро все устанут от месседжей, устанут от лозунгов, и чувственное начало возьмёт верх.

"Взять кусочки эксельсиора, нарезать их и привязать к вентилятору. И он будет их развеивать как в фильме Тарковского".
Фото: С сайта Польского театра в Москве

